

ФУКО – ТЕОРЕТИК СОЦИАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

Андрей Олейников

Мишель Фуко и Жан-Поль Сартр на политической манифестации

Со времен Гоббса и по сей день философская мысль о войне движется в горизонте, заданном понятием государства. Войну и государство связывают реципрокные, но при этом асимметричные отношения: нуждаясь в войне как в состоянии, оправдывающем его предназначение (поддержание мира среди своих граждан и борьба с внешней угрозой), государство позволяет мыслить войну в ее негативной универсальности, независимо от того, кто и ради чего ее ведет, — как «войну всех против всех»; но у войны, как показал Гегель в своей «Философии права», нет иного предназначения, как служить инструментом обновления и упрочения государства. Мыслить войну, существующую одновременно «в себе» и «для себя», кажется, невозможно...

Курс лекций «Нужно защищать общество», прочитанный Мишелем Фуко в Коллеж де Франс в 1975–1976 гг., может быть интересен для нас здесь потому, что представляет собой одну из редких и дерзких попыток освободить войну от служения государству и мыслить ее позитивно — как «постоянное социальное отношение, как неустрашимую основу всех отношений и всех институтов власти»¹. Эта попытка в конечном счете оказалась неудачной. В своих последующих публикациях и лекционных курсах Фуко уже не будет обращаться к теме войны, полагая, что «свойственный власти режим отношений необходимо искать не рядом с *насилием или борьбой* [...], но в области того *не военного* и не юридического режима действий, каким является управление, правительство»² (курсив мой. — А.О.). Ниже я постараюсь показать, что

отказ Фуко от анализа социальных отношений в терминах войны отнюдь не свидетельствует об очередной победе гоббсовско-гегелевской философии государства. Он говорит лишь о том, что у Фуко этот анализ оказался подчинен задаче исторической реконструкции некоего воинственного дискурса об обществе, который *полностью и без остатка* был присвоен государством. При ином взгляде на характер подобного присвоения, который демонстрирует Жиль Делёз в своем «Трактате о номадологии», война может успешно играть роль альтернативного государству принципа социальных отношений.

К идее, что война пронизывает всю ткань этих отношений и является «самим шифром мира», Фуко пришел в ходе методологических размышлений, занимаясь исследованием различных режимов функционирования власти. Правовые и экономические теории, по его мнению, могут иметь дело только с овеществленной, натурализованной властью, которой можно обладать, которую можно передавать или отчуждать и которая предполагает наличие уже готового субъекта, способного распорядиться ею тем или иным образом. Иначе говоря, эти теории слишком дедуктивны, они озабочены логикой распределения власти и недостаточно внимательны к практическим формам ее воплощения. «Изучать власть, — настаивал Фуко, — нужно с ее *внешней стороны*»³ (курсив мой. — А.О.), т.е. со стороны тех конкретных технологий господства и подчинения, которые конституируют субъектов воли, желания, мысли. Именно здесь власть открывает в себе то, чем она является в чистом виде, — «олицетворением силовых отношений»⁴. Очевидно, что при таком рассмотрении ника-

¹ Фуко М. «Нужно защищать общество»: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / Пер. Е.А. Самарской. СПб.: Наука, 2005. С. 66. Далее везде в сносках — НЗО.

² Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3 / Пер. Б.М. Скуратова под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Практикс, 2006. С. 181–182. Колин Гордон в своей беседе с Жаком Донзело, текст который был недавно опубликован в журнале «Логос», связывает обращение Фуко к теме «управления» (или «правительственности», как предлагает переводить этот термин Андрей Корбут) с отказом от «активистского идеала» 1970-х гг. (см.: Донзело Ж., Гордон К. Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире / Пер. А. Корбута под ред. А. Бикбова // Логос 2008. № 2. С. 6–7).

³ НЗО. С. 47.

⁴ Там же. С. 35.

кая власть не может считаться ни законной, ни даже справедливой. Для ее анализа в нашем распоряжении, по мнению Фуко, есть только две гипотезы: первая гипотеза — «гипотеза Райха» — сводит механизм власти к режиму подавления, или репрессии, вторая — «гипотеза Ницше» — требует производить аналитику в терминах борьбы, столкновения или войны. В итоге Фуко (поскольку ничто не мешает рассматривать репрессию как политическое следствие военного столкновения) останавливает свой выбор на второй гипотезе. Свою окончательную формулировку она получает благодаря известному тезису Карла фон Клаузевица («война — это продолжение политики другими средствами»), который Фуко переворачивает, меняя его смысл на противоположный: политика — это продолжение войны другими средствами.

Фуко полагал, что он не просто воспользовался удачным афоризмом Клаузевица и только поменял в нем местами субъект и предикат. Заявив, что именно «политика является продолжением войны другими средствами» (а не наоборот), он восстановил историческую справедливость, поскольку Клаузевиц перевернул смысл некоторого исходного тезиса, который был артикулирован задолго до него. Сделал он это неосознанно, но по вполне понятным причинам. Прусский военный теоретик жил в условиях, когда государство уже давно обладало монополией на ведение войны, когда военные институты и соответствующие им практики уже давно были сконцентрированы в руках центральной власти. Поэтому в таком контексте Клаузевиц вполне обоснованно мог утверждать, что война является продолжением политики. Однако так было не всегда. На протяжении всего Средневековья и на пороге Нового времени общество было еще пронизано военными отношениями. И вот в конце XVI — начале XVII века, когда после серии религиозных и гражданских войн укрепшая центральная власть берет войну под свой контроль и едва только завершает про-

цесс ее «этатизации», появляется некоторый особый и странный дискурс, который не желает считаться с фактом достигнутого умиротворения, который продолжает видеть в войне константу социальных отношений и рассматривать государственные и правовые институты как инструменты ведения войны. Именно логику этого дискурса Клаузевиц переворачивает с ног на голову. И именно к его первоначальной логике хочет вернуться Фуко, поскольку видит в этом странном дискурсе подтверждение своей интуиции, что война является матрицей властных отношений.

С этого момента главный тезис Фуко о примате войны над политикой оказывается историческим. Причем в двух разных и едва ли не противоположных смыслах: с одной стороны, он может получить свое обоснование из глубины прошлого с помощью убедительной исторической реконструкции того дискурса, логику которого перевернул Клаузевиц; с другой стороны, этот дискурс требует от нас по-новому отнестись к самой области исторического, которая, по словам Фуко, «не имеет никаких краев, окончаний, границ [...]»

[ее] даже нельзя назвать областью относительного, ибо она не находится в связи с чем-то абсолютным, история — это бесконечность, которая в некотором роде лишена относительности, бесконечность вечного ее растворения в механизмах и событиях, олицетворяющих силу, власть и войну»¹. Иначе говоря, история здесь не сводится к прошлому, к его реконструкции, она не обязана оправдывать тот порядок вещей, который сложился с течением времени. Скорее, напротив, она является частью силовых отношений вечно неустойчивой современности. Присутствие истории в настоящем позволяет лучше понять то, что «войну нельзя заклясть», что «закон — не способ примирения, ибо в присутствии закона война продолжает свирепствовать внутри всех, даже самых упорядоченных институтов власти»².

Однако эта интуиция так и не получила своего развития. Историческая работа Фуко свелась в основном к рассказу о том, как и при каких условиях возник на Западе воинственный «историко-политический» дискурс и как государству удалось его присвоить. Напомню вкратце его сюжет.

Вид битвы при Фонтенуа во время Войны за австрийское наследство. 11 мая 1745 г.

¹ Там же. С. 72 — 73.

² Там же. С. 67 — 68.

Этот дискурс начинает формироваться на рубеже XVI—XVII веков вокруг темы нашествия — нормандского нашествия XI века, прервавшего правление древней англосаксонской династии в Англии, и нашествия франков в Галлию в V веке, со времени которого стало отсчитывать свою историю французское государство. Тема нашествия, или тема завоевания, как пишет Фуко, стала «крестом для юристов и мраком для королей»¹. Она обнажила проблему происхождения институтов власти, в основании которой обязательно обнаруживается война, насилие и господство. В Англии эту тему начинают развивать оппозиционные режиму первых Стюартов парламентарии (Фуко называет имена Эдварда Коука и Джона Селдена). Но в этой среде она остается слишком сильно связанной с утопией естественного права, с идеей некоторого изначального справедливого закона, который был когда-то у англосаксов, но потом был попран нормандскими завоевателями. Свою более зрелую, воинственную форму этот дискурс обретает несколько позднее в революционных памфлетах левеллеров и диггеров, требовавших вести с потомками нормандцев непрерывную гражданскую войну. Однако он развился о мощную стену враждебного, «философско-юридического» дискурса, выстроенную против него автором «Левиафана». В полной мере «историко-политическому» дискурсу суждено будет проявить себя позднее и в совершенно других исторических обстоятельствах, отличавшихся, как это ни странно, значительно меньшей политической напряженностью.

Эти обстоятельства Фуко называет «арьергардными боями», которые вела французская аристократия против абсолютной монархии и ее администрации на рубеже XVII—XVIII веков. Их значение сводится, главным образом, к тому, что они создали благоприятные условия для творчества одного писателя — графа Анри де Буленвилье (1658—1722), принадле-

жавшего к кругу знати, недовольной правлением Людовика XIV и сплотившейся вокруг его внука, герцога Бургундского, бывшего в течение полугода официальным наследником престола. В сочинениях Буленвилье Фуко находит идею непрерывной войны, которую с первых веков французской истории ведут между собой две «расы», или «нации», — дворянство и третье сословие. Первая ведет свое происхождение от завоевателей-франков, вторая — от покоренных ими галло-римлян. В этой войне, несмотря на одержанную в начале безоговорочную победу, потомки свободолюбивых франков начинают терпеть одно поражение за другим. Буржуазия медленно, но верно вытесняет дворянство с лидирующих позиций в государстве. А происходит это, главным образом, потому, что французские короли — бывшие поначалу просто вождями франков, избиравшимися на срок военных походов, — добиваются постоянной и наследственной власти, для поддержания и умножения которой они все больше оказываются заинтересованными в союзе с теми, против кого когда-то вели войну. По мысли Фуко, «историко-политический» дискурс, который он называет также «дискурсом войны рас», мог обрести свою истинную форму именно в трудах мыслителя, представлявшего сословие, обреченное на поражение в своей социальной борьбе². Именно ему мы должны быть обязаны появлением нового исторического субъекта, каковым стало не что иное, как общество — «общество, понятое как ассоциация, группа, совокупность индивидов с общим статусом, общими нравами, обычаями и даже особым законом»³. Но какова дальнейшая судьба этого дискурса?

После того как с началом революции третье сословие добилось права говорить от лица всей «нации», исчезает то отчуждение общества от государства, которое вызвало к жизни «историко-политический» дискурс. С этого момента начинается

¹ Там же. С. 133.

² Подробнее о значении Буленвилье для концепции «историко-политического» дискурса см.: Олейников А. Аристократия как означающее (анализ лекционного курса М. Фуко «Нужно защищать общество») // Интеллектуальный язык эпохи: история идей, история слов. М.: НЛО (в печати).

³ Там же. С. 148.

«Барбудос»: Фидель Кастро и Камило Сьенфуэгос. Гавана, 1 января 1959 г.

Глава Французского комитета национального освобождения Шарль де Голль, идущий по Елисейским полям. Париж, 26 августа 1944 г.

история его присвоения государством. Важным инструментом такого его присвоения становится диалектика. «Гегелевская диалектика, — говорит Фуко, — и, я думаю, все последующие за ней должны быть поняты [...] как колонизация и авторитарное усмирение с помощью философии и права историко-политического дискурса, который был одновременно констатацией, провозглашением и практикой социальной войны»¹. Война перестает восприниматься как условие существования общества и конечная основа политических отношений, она становится условием *выживания общества в системе* политических отношений. В этот момент, по словам Фуко, «появится идея внутренней войны как защиты общества от опасностей, возникающих в его собственном организме; это, если хотите, большое преобразование исторического в биологичес-

кое, исторически образующего фактора в медицинский феномен при толковании социальной войны»². На смену «дискурса войны рас» приходит дискурс «государственного расизма», предметом заботы которого является уже не общество, а *население*. Он учреждает различные практики нормализации, очищения социального организма от нездоровых, вредных элементов. Однако формы и методы проведения такого рода «биополитики», о которых Фуко много рассказывает в заключительной лекции этого курса лекций, остаются вне поля моего настоящего интереса.

Мне важно обратить внимание на то, что «историко-политический» дискурс, представленный в перспективе своей неизбежной этатизации, выглядит всего лишь как краткая интермедия в большой истории государственной власти, помогая объяснить пере-

ход от суверенитета абсолютистского типа к национальному суверенитету. Но вопреки первоначальному замыслу Фуко, этот дискурс отнюдь не «отрубает голову королю» и не «освобождается от суверена»³. Эксперимент с переворачиванием тезиса Клаузевица закончился неудачно. Даже сведя политику до уровня средства, с помощью которого ведется война, Фуко не увидел в последней никакого собственного основания, которое мыслилось бы независимо от политической мотивации, от борьбы за власть.

В отличие от Фуко Жиль Делёз, другой очень внимательный читатель Клаузевица, в «Трактате о номадологии»⁴ акцентирует свое внимание на содержащейся у него идее «абсолютной войны», которую он истолковывает по-своему, как идеальную войну без конечного результата, не нацеленную на уничтожение противника. Общество и государство, по мысли Делёза, находятся друг с другом в состоянии войны. Она идет непрерывно и не может прийти к концу, потому что в ее окончании заинтересована только одна из воюющих сторон — государство. И только применительно к государству справедливо говорить о войне как об инструменте политики. С его помощью оно старается поддерживать порядок на своей территории и урегулировать отношения с теми, кто находится за ее пределами. Общество же, в строгом смысле, не ведет войну, не знает о ней как *средстве* удержания или закрепления территории. Оно — это сама стихия, или, точнее, «машина войны», которая эксцентрична по отношению к аппарату государства. Изобретателями этой машины Делёз объявляет племена кочевников, жизнь которых проходила в непрерывной войне. Представляя постоянную угрозу для древних государств, они вынуждали их создавать собственные

¹ Там же. С. 75.

² Там же. С. 230.

³ Там же. С. 76.

⁴ Deleuze G., Guattari F. *Traité de nomadologie: La machine de guerre* // Mille plateaux. Paris: Minuit, 1980. P. 434 — 521. См. также отдельное издание на английском — Deleuze G., Guattari F. *Nomadology: The War Machine* / Trans. by B. Massumi. New York: Semiotext(e), 1986). Интересное сопоставление взглядов Фуко и Делёза на войну содержится в работах Джулиана Рида: Reid J. *War, discipline, and biopolitics in the thought of Michel Foucault* // Social Text. 2006. Vol. 24. № 1. P. 127 — 152; Reid J. *Deleuze's War Machine: Nomadism against the State* // Millennium: Journal of International Studies. 2003. Vol. 32. № 1. P. 57 — 85.

военные институты (приглашать на службу тех же кочевников или воспитывать свою касту воинов), в результате чего «машина войны» была частично «территориализирована», подчинена государственным интересам. Но в силу своей иноприродности государству она не может быть

присвоена им полностью, и, даже оказываясь внутри его территории, она не перестает нести ему угрозу, образуя линии *уклонения*, «детерриториализации» в том социальном распорядке, который оно старается утвердить и законсервировать. С этого момента война общества и государства со-

стоит в переоткрытии новых жизненных пространств — пространств желания, страсти, мысли, — со стороны же государства — в присвоении права и регламентации порядка пользования ими.

а

Германская война. Павел Филонов. 1915 г.